

«Властелин двух миров» Книга 2 ,

«Возрождение», «Последняя битва».

Фантастика.

© 2014 – Александра Треффер

Все права защищены.

Контактные данные: alexandra.treffer@yandex.ru

Веб-сайт: <http://knigi-treffer.ucoz.net/>

Обложка, иллюстрации – А.Треффер

Данная электронная книга, включая все ее части, защищена авторским правом и не подлежит копированию, перепродаже или передаче третьим лицам без согласия автора.

Об авторе.

Александра Треффер – прозаик, поэтесса, композитор-песенник, вокалист. В её литературном активе романы, повести, рассказы в жанре фантастики и фэнтези с элементами мистики и хоррора, а также стихи, тексты авторских песен и другое.

О книге.

Освобождённому миру будущего, обжитому персонажами предыдущей книги, грозят война и порабощение. Возродившийся после смерти клон главного героя по просьбе народа берёт бразды правления государством в свои руки. Пройдя через множество испытаний, он справляется с ситуацией и даже пытается оказать помощь параллельному миру, погубленному ядерными взрывами.

*Удалось ли людям ликвидировать угрозу извне и смогли ли они изменить судьбу другой – **нашей** реальности, можно узнать, прочитав насыщенную событиями вторую часть дилогии "Властелин двух миров".*

Все персонажи – плод фантазии автора.

Любые совпадения случайны.

Часть 1

Возрождение

Глава 1

Голоса, чьи-то назойливые голоса звучат в голове. В виски настойчиво стучит какая-то мысль, но мечущийся в бреду человек не в состоянии уловить её сути. Кто он? Как его имя? И почему вокруг так темно?

В мозгу теснятся образы один страшнее другого: падают ряды скошенных автоматной очередью людей в белых, длинных балахонах, свистит топор, отделяя конечности и голову от распластанного на деревянном помосте тела. Мужчина стонет, мучимый этими видениями, и вдруг у лица его разверзается смердящая, усаженная несколькими рядами зубов пасть отвратительного монстра.

Человек хочет закричать, убежать, но не может двинуться с места: челюсти его сжаты, а конечности скованы невидимыми цепями.

«Я умер, – думает он, – умер и лежу в гробу. А это чудовище – вестник ада, который я заслужил. Но как? Что я натворил при жизни? И почему могу размышлять, если уже мёртв?»

Повязка, стягивающая голову, исчезает, руки освобождаются. Несчастный с воплями машет ими, отбиваясь от живого кошмара, но существо неожиданно мягко прихватывает зубами его кисти, и из раззявленной глотки доносится:

– Отец, успокойся. Всё хорошо, ты жив. Это я – Натон.

Натон? Кто такой Натон? Ах, да, ведь это его сын – гениальный учёный. Как он мог забыть?

Внезапно память пробуждается, и беспомощно жужжащая в голове мысль изливается в словах:

– Я Дитрих Штригель, – хриплым от долгого неупотребления голосом говорит мужчина, – бывший Верховный правитель свободного мира, а ныне писатель...

– Верно.

Дитрих открывает глаза и видит знакомое до мельчайшей чёточки лицо.

– Тоша, – шепчет Штригель, – что со мной случилось?

Сын садится на край кровати и гладит отца по плечу.

– Тебе стало плохо, когда мы гостили у Прокудиных. Вернее, вам.

– Кому, нам?

– Твоему двойнику и тебе. Он был потрясён открывшейся ему истиной и умер на месте от инфаркта. Видимо, вы оказались некоторым образом связаны, потому что вскоре ты последовал за ним.

– Ах, да, – произносит Штригель, – я помню. Вспоминаю ещё, что Ниада очень сердилась.

– Она кидалась на тебя, как кошка, – хмыкнул Натон.

– Странно, – задумчиво сказал Дитрих, – что клон не знал о моём существовании. Неужели они с женой не читали *беллетристику*?

***Беллетристика* – общее название художественной литературы в стихах и прозе.**

Натон пожал плечами.

– Ты же писал под псевдонимом.

– Да.

Помолчав, Дитрих поинтересовался:

– Его возродили?

Сын покачал головой.

– Увы. Совет решил, что одного Штригеля свободному обществу вполне достаточно. Ниада не осушает глаз...

– И я её понимаю, – печально отозвался мужчина, садясь и разминая конечности. – Как себя чувствует Грета?

– Очень нервничает. Мне позвать её?

– Конечно. Но сначала скажи, сколько мне лет, не хочу сюрпризов.

– Пятьдесят. Чтобы вы с женой соответствовали друг другу, я не стал останавливать развитие клона раньше.

– Ты, как всегда, всё продумал, – улыбнулся Штригель. – Для меня это не имеет особого значения, Генриетта будет желанна мне в любом возрасте, но молодой мужчина рядом с далеко не юной женой со стороны выглядел бы странно.

– Именно этот нюанс я и учёл, – с улыбкой ответил Натон.

И крикнул:

– Грета, входи.

Вбежавшая в палату женщина кинулась к мужу.

Через некоторое время, когда они сидели и разговаривали, в комнату заглянула встревоженная лаборантка – жена Натона.

– Тоша, – испуганно сказала она, – к Дитриху правительственная делегация. Пустить?

Мужчина вопросительно посмотрел на отца.

– Справишься? – спросил он.

Тот рассмеялся.

– Конечно. Я вернулся к жизни полным энергии.

Учёный кивнул, и вскоре в комнате появились пятеро человек, возглавляемых одряхлевшим Евлапом. Натон с женщинами собирались уйти, но чиновник остановил их.

– Вы, как представители семьи гражданина Штригеля, можете присутствовать при переговорах, – сказал он.

– Как официально, – нарочито весело произнёс Дитрих, глядя другу в глаза.

Евлап нервно улыбнулся.

– Сейчас я – официальное лицо. Правительство уполномочило нас сделать предложение, которое, как мне кажется, тебя заинтересует.

Он представил спутников. Дитрих опустил веки, готовясь слушать, а Натон с женой и Генриетта, сидя в стороне, напряжённо внимали словам посла.

– В последнее время, – начал тот, – в свободном обществе творятся страшные вещи. Из ниоткуда появляются странные, несколько напоминающие людей, уродливые существа, управляющие убийственными, уничтожающими всё на своём пути машинами, и исчезают так же внезапно, как возникли. Жители округов, где это происходит, напуганы, боятся выходить из домов, жизнь их пошла наперекосяк...

– А почему ты не рассказывал об этом раньше? – прервал Евлапа Штригель.

– Не имел права, – развёл руками тот. – Но сейчас, когда нападения участились, и положение стало угрожающим, правительство, точнее, его часть, пришло к выводу, что во главе государства должен встать человек, для которого война – привычное дело. И мы решили обратиться к тебе.

Воцарилось молчание. Мужчина размышлял, а его родные изумлённо смотрели на чиновника. Тот же после паузы продолжил:

– Дитрих, я понимаю, как это неожиданно и не вовремя, но... тебя ждут в Берлине.

Глаза Штригеля опасно блеснули.

– Это приказ? – спросил он тихо.

– Можешь считать, что да, – виновато ответил Евлап.

– Подчиняться приказам я не намерен, – выпрямляясь во весь рост, сурово сказал Дитрих. – Ваша правящая верхушка, видимо, запаматовала, кто создал этот мир. И хотя я не люблю об этом напоминать, но, увы, иногда приходится. Так вот, сначала я обсужу всё с семьёй, а потом приму решение.

Друг глядел на Штригеля почти с ужасом.

– Я не узнаю тебя, – произнёс он. – Твоё детище в опасности, а ты...

– Моё детище, – прервал его экс-правитель, – несмотря на все старания Менгера и Шефера, не совсем здорово, и небольшое кровоупускание ему не повредит. Йарден объяснил бы тебе это популярно.

Евлап вздрогнул.

– Удар ниже пояса, Дитрих, – пробормотал он.

Осознав, что перегнул палку, тот примирительно сказал:

– Прости. В любом случае, за пару дней катастрофы не произойдёт, а послезавтра я дам ответ.

Чиновники вздохнули с облегчением.

– Не радуйтесь раньше времени, – предупредил их Штригель, – скорее всего, я откажусь. Поэтому советую подумать об альтернативе.

Люди понуро переглянулись и направились к двери. Евлап задержался.

– Знаешь, – сказал он с оттенком презрения в голосе, – все годы нашего знакомства я считал тебя очень цельным человеком. Но теперь начал в этом сомневаться.

Товарищ уже шагнул за порог, когда его остановили слова Штригеля:

– Почему правительство не передало мне бразды правления, когда в государстве царил покойствие? – спросил тот. – Как оно могло допустить, чтобы человек, за которого вступился сам Бог, дав ему возможность реабилитировать себя через многие

столетия, погибал от нереализованности? И ты, ты тоже ничего не сделал, чтобы изменить ситуацию. Если бы с помощью Греты и Тоши я не справился бы со сплином и не начал писать... Да что тут говорить? Подумай об этом, прежде чем меня осуждать.

Евлап растерялся, а Штригель, обняв жену и сына, вышел, аккуратно притворив дверь. Постояв немного в задумчивости, чиновник промолвил, обращаясь к стене:

– А ведь он прав. Мы бросили Дитриха на произвол судьбы, понадеявшись на его душевную крепость. Но я-то прекрасно знал, с каким трудом он адаптируется к этому миру.

И воскликнул, стукнув собеседницу кулаком:

– Штригеля необходимо уговорить во что бы то ни стало. Иначе свободное общество прекратит своё существование.

Недоумевающе посмотрев на разбитую в кровь руку, Евлап вздохнул и, замотав кисть платком, покинул палату.

Когда Дитрих со спутниками шёл по длинному коридору Центра клонирования, Натон спросил:

– Я не совсем понял тебя, отец. Ты, действительно, хочешь отказаться от поста, принадлежащего тебе по праву?

Не глядя на сына, Штригель ответил:

– Да. Я не себялюбек, но меня оскорбило, как быстро свободное общество забыло о моём существовании. Нынешнее поколение, как и до возникновения петли времени, понятия не имеет, кто я такой.

– Ты преувеличиваешь... – неуверенно начал сын.

– Нет. Память людей, живущих в нашем до отвращения спокойном мире, коротка. Какое им дело до какого-то Штригеля, когда основной их заботой было и остаётся добывание баллов. Я ничем не обязан этим...

Натон резко остановился и, развернув отца лицом к себе, прижал к стене. В глазах мужчины плескался гнев.

– Как ты смеешь?! Ведь это твои последователи, прекрасно знавшие о твоих планах и разделявшие твои идеи, довели большую часть человечества до состояния амёб. Сейчас у тебя появился шанс всё изменить, но ты готов позволить обществу окончательно деградировать лишь потому, что неблагодарный народ ежеминутно не вспоминает о тебе, не упоминает имени на каждом углу и не восторгается великими деяниями...

Дитрих побледнел.

– Ты, действительно, думаешь, что я нуждаюсь в славе и поклонении? – тихо спросил он. – Ты презираешь меня?

Сын покачал головой.

– Нет. И никогда не смогу. Но... отец, исправить ошибки тех, кто шёл за тобой, должен именно ты.

В разговор вмешалась Генриетта:

– Я считаю, – сказала она, – что правы вы оба. Пренебрежение, выказанное Дитриху, и впрямь оскорбительно. Ты же видел, что с ним творилось, и знаешь, что мучился он не один год. Но, с другой стороны, нельзя жить с обидой на весь человеческий род, бесстрастно наблюдая, как рушится тобою же созданное. Кроме того, люди в опасности, а разве это не повод, чтобы забыть о личных счётах.

– Встав сейчас во главе государства, – подхватил Натон, – ты останешься у власти навсегда и, пусть не сразу, пусть через века, но изменишь мир к лучшему.

– А мы пойдём с тобой до конца, – подытожила жена.

И, улыбнувшись, добавила:

– Благодаря дарованному Тошей бессмертию.

Дитрих стоял, опустив глаза. Когда же он наконец поднял голову, во взгляде его читалась решимость.

– Вы правы, – произнёс мужчина, – это мой долг. Кроме того, я всё же более политик, чем писатель, и отказываться от своего призвания неразумно. Я дам согласие, как только увидаю Зольди с внуками и поговорю с Ниадой...

– Не боишься, что она выцарапает тебе глаза? – с усмешкой спросил сын.

– Придётся рискнуть, – улыбаясь, ответил отец.

Но тут же посерьёзnel.

– Это очень важно, – продолжил он. – Одним из условий моего возврата к власти станет возрождение Штригеля-двойника.

– А зачем? – удивилась Генриетта.

– Ну, во-первых, чтобы искупить свою вину перед ним и его женой, а во-вторых, кому же можно полностью довериться в сложном деле управления государством, как не самому себе.

– Ты хочешь сделать его соправителем? – спросил Натон.

– Правой рукой и советником. Клон, в отличие от меня, жившего воспоминаниями и с головой нырнувшего в мемуары, выбрал профессию военного, что может очень пригодиться. Сам я мало что знаю о современных армии и вооружении.

– Ай, да отец!

Натон восхищённо посмотрел на Штригеля, а Генриетта тихонько зааплодировала.

Они направились к дверям, но внезапно учёный остановился.

– Простите, мне придётся задержаться, я совсем упустил из вида... Арлиса идём.

– Что случилось?

– Недавно в *криобанке* мы нашли безымянный материал. За несколько часов до твоей смерти его взяли в обработку, но за всеми тревоблениями я позабыл о растущем в лаборатории клоне. Есть опасность, что он перезреет.

Криобанк – хранилище биоматериалов (клеток, спермы и т.д.) в условиях низких температур.

Ещё раз извинившись, Натон быстрым шагом удалился. Жена последовала за ним, а Генриетта рассмеялась.

– Тоша говорит о человеке, как о фрукте.

– Лексикон учёных специфичен, – улыбнулся Штригель.

И, взяв подругу жизни под руку, двинулся к выходу из Центра.

Похоронившая мужа постаревшая от горя Ниада сидела в кресле перед компьютером, но отображавшаяся на дисплее информация не интересовала женщину. Узнав о чудовищном обмане, она потеряла волю к жизни, и ничто более её не волновало.

Как же Штригель посмел? Ниада постоянно задавала себе этот вопрос и не могла на него ответить. Человек, которого она когда-то полюбила, прожил долгую и, наверное, счастливую жизнь с другой, а потом, явившись в недобрый час, отнял у нее мужчину, отвечавшего ей взаимностью в чувствах.

Ниада пыталась заплакать, но не могла. Опустив голову на руки, несчастная тихонько завывала, раскачиваясь из стороны в сторону. И не сразу услышала, что её негромко окликают по имени. Она повернулась на звук и увидела... Дитриха, выглядевшего значительно моложе, чем в страшный вечер их рокового свидания.

Штригель стоял, опершись о дверной косяк, и с состраданием смотрел на поникшую женщину.

– Пришёл полюбоваться на моё горе? – безжизненным голосом спросила та. – Тебе удалось отомстить, радуйся. Я страдаю сейчас, как ты когда-то.

– Я не думал о мести, – шагнув через порог, произнёс Дитрих, – всё вышло случайно...

Ниада пропустила его слова мимо ушей.

– Мало того, – продолжала она, – что ты отнял у меня мужа, – я даже не имею права возродить его, как делают другие, потому что он – второй...

– Об этом я и хочу поговорить, – тихо сказал Дитрих, садясь напротив. – Мне предложили занять высший пост в государстве, вернуться к истокам. Я готов согласиться, и одним из требований, которые я намерен предъявить Совету, станет воскрешение твоего Штригеля.

Осознав услышанное, Ниада изумлённо уставилась на мужчину.

– Но как? – прошептала она. – Ведь его сожгли несколько дней назад.

– Когда он в последний раз проходил медицинское обследование?

Женщина задумалась.

– Кажется, за неделю до смерти, – неуверенно ответила она. – В армии с этим строго.

– Значит, в криобанке есть его свежий материал. Он забудет только несколько последних дней. Кроме того, есть ещё я, мои клетки.

– Ты понимаешь, что говоришь?! – гневно возразила Ниада. – Мне шестьдесят четыре, и я не буду нужна Дитриху, если тот вернётся молодым, не помня о нашей совместной жизни.

– Это не проблема, Натон дорастит его до нужного возраста. И, кроме того, в мозг клона можно внедрить любые воспоминания.

– Ах, да, – задумчиво проговорила Ниада. – верно. Хорошо, допустим, что всё получится. Но тебе-то какая в этом корысть?

– Ты думаешь, я делаю это из личной выгоды? – возмутился Штригель. – Корысть есть, но я настоял бы на возрождении двойника даже если бы это было не так. Из чувства долга перед вами обоими.

Сомнения Ниады развеялись, и она почувствовала невероятное облегчение. Глаза её загорелись, щёки порозовели.

– Даже не знаю, благодарить тебя или проклинать, – промолвила она, глядя сияющим взглядом на своего врага-друга.

– Благодарить не за что, я лишь даю взятку совести, но проклятья могут мне повредить, ведь слова, как уверяют, материальны. Передо мной стоит сложная задача: привести мир к гармонии, прежде защитив его от неведомых пришельцев. И в этом, я надеюсь, мне поможет твой муж.

Подойдя к Дитриху, Ниада обняла его.

– Я знаю, что ты справишься. Вы справитесь, – уверила она.

А растроганный Штригель припал поцелуем к её руке.

Глава 2

Человек пришёл в себя и, не открывая глаз, попытался сообразить, где же он находится. Внезапно оживший мозг начал щедро делиться с хозяином воспоминаниями: Берлин, подземный ход, дворец, бункер... Монстры!

Ладонь беспомощно сжалась в попытке схватить оружие. Куда же делся нож? Что произошло? Чудовище навалилось сверху, когда отказал автомат, и... он ещё жив. Странно, неужели ему удалось справиться с мутантом?

Внезапно шею пронзила невыносимая боль. Захрипев, мужчина разлепил веки, желая видеть своего убийцу, но в белом мешке, похожем на кокон, никого не было. Взглянув вниз, он увидел, что руки его свободны, ноги же стягивают эластичные ленты. Такая же ткань обвивалась и вокруг головы, не позволяя разомкнуть челюсти. В бешенстве он сорвал её...

– Тише, тише, друг мой, – прозвучал смутно знакомый голос, – не повреди себе. Всё в порядке, ты дома.

И, обращаясь к незримому собеседнику, незнакомец продолжил:

– Потрясающе, Арлиса! Я понятия не имел, что у нас есть этот материал, и не поверил глазам, увидев, кого мы воскресили. Как же хорошо, что нам пришло в голову сделать ревизию.

– А ведь он мог возродиться в том году, когда погиб. Если бы мы знали, что в криобанке есть его клетки, – откликнулась невидимая женщина.

– Кто вы? – закричал мужчина, пытаясь сдержать кашель. – Где я? И куда исчезли монстры?

– Их давно нет.

Завеса с треском порвалась, и перед потерявшим дар речи, изумлённым человеком предстал Натон. Он повзрослел, возмужал, но был узнаваем. Протягивая руку, учёный радостно сказал:

– Добро пожаловать! С возвращением, Йарден!

Чуть позже они сидели в светлом кабинете Натона и пили душистый чай. Учёный со вниманием слушал рассказ друга о его ощущениях при пробуждении, но когда тот заговорил о чудовище и вырванном горле, внезапно побледнел.

– Что с тобой? – с тревогой спросила Арлиса.

– Я только что осознал, – вскакивая и стирая пот со лба, ответил муж, – что Йарден не может помнить эти подробности, ведь клетки его поместили в банк раньше, чем мы попали в вымерший Берлин и встретились с биороботами. А это значит...

Он посмотрел на замерших в ожидании людей.

– Это значит, что при возрождении тела в него вселяется душа, жившая в прежнем. И у меня возник вопрос, а прав ли я, отрицая её существование.

Йарден тоже удивился, но следующие слова мужчины показали, что его недоумение вызвано отнюдь не присутствием в человеке мистической внутренней составляющей.

– Я никогда не сомневался, – заявил он, – что умираем мы не полностью. Но почему ты в это не верил?

– Потому что я – прагматик и привык доверять лишь фактам, – садясь, ответил Натон.

Прагматик – человек, отрицающий нематериальные явления и признающий только их материальное подтверждение.

– Напрасно.

Учёный наклонился к Йардену.

– Ты помнишь, что происходило с тобой в промежутке между смертью и воскрешением?

– Нет. И, думаю, не должен. Я читал о реинкарнации и, как мне кажется, душа в новой оболочке не хранит воспоминаний о прежней жизни.

– Допустим. Но ведь у тебя – возрождённого они остались. А это означает, что мозг всё же доминирует над призрачной субстанцией. Хотя... пока мы не проведём

эксперименты, я не могу ничего утверждать. Поэтому предлагаю оставить эту тему и поговорить о твоих планах на будущее.

– Я вернусь в агентство, – пожимая плечами, ответил мужчина, – а после решу, что сумею сделать для этого мира.

– Это неплохо, но... недавно возникли новые обстоятельства, которые могут полностью изменить твою жизнь. Отцу предложили вернуться на пост Верховного правителя свободного общества...

– О!

Изумлённое подвижное лицо Йардена выглядело так забавно, что Натон с Арлисой, не удержавшись, расхохотались.

– ... и я уверен, – всё ещё смеясь, продолжил учёный, – что он с радостью возьмёт тебя в свою команду.

Чиновник посуровел, и веселье мгновенно прекратилось.

– За Дитрихом я пойду на край света, – торжественно произнёс мужчина. – Этот человек – прирождённый лидер и властодержец, и меня удивляет, что он до сих пор не у руля.

Кашлянув, Йарден плаксиво добавил:

– Горло болит.

Такой резкий переход от выпренной речи государственного мужа к детской жалобе вновь рассмешил собеседников, и улыбающийся Натон, взяв друга под руку, повёл его на процедуры.

– Значит, вы, осознаёте, какую ответственность налагает на вас эта должность, – кривя губы, цедил немолодой, обрюзгший чиновник, сидевший напротив Штригеля.

Тот, не отводя взгляда от своих пальцев, стиснувших край стола, кивнул.

– Не сомневайтесь, осознаю.

В голосе Дитриха прозвучала насмешка. Около получаса он слушал бессмысленную болтовню старика, и терпение его подходило к концу. Брови собеседника взлетели вверх.

– Вам смешно?

– Совсе нет, – резким тоном ответил Штригель и, подняв, наконец, глаза, гневно посмотрел на опешившего человека. – Я лишь пытаюсь понять, вы, действительно, глупы или намеренно провоцируете меня, чтобы я возжелал поскорее отобрать у вас государство.

Присутствующий при разговоре Евлап, услышав слова друга, подавился воздухом, пытаясь сдержать смех, а визави Дитриха надулся.

– Что? Как вы смеете?!

– Смею. И если вы не осознаёте, почему, объясню. Свободное общество строил я: растил его на трупах и крови, я ответственен за его становление, развитие и все перекосы, в которых виноваты мои преемники. А вы, бесцельно тратя своё и моё время, учите меня им управлять.

Вскочив, чиновник зашипел:

– С самого начала я был против вашего прихода к власти, меня принудили...

– Как, вы сказали, ваша фамилия? – бесцеремонно прервал его Штригель. – Капп? Какое отношение к вам имеет некий Вольф Капп, некогда пытавшийся разрушить то, что я с огромным трудом возводил на обломках гитлеровской империи?

Мужчина замер и рухнул в кресло, со страхом глядя на Дитриха. А тот, не обращая более внимания на побагровевшего старика, обратился к Евлапу:

– Как вы могли допустить, чтобы это правило государством?

– Капп не имел детей, – возразил Евлап, – и Норберт лишь седьмая вода на киселе. Какое значение имеет их родство, раз прошло так много времени...

– Огромное, как же ты не понимаешь, – попенял Штригель. – Семьи Каппов, Геббельсов, Крюгеров несколько веков назад стремились к безраздельному господству, и власть, не доставшуюся им, получили их последыши, которых, как и преступных предков, не волнуют людские беды. Они не будут радеть об обществе и рано или поздно разрушат его, даже не из злого умысла, а по глупости, ведь деградация коснулась и их умов. Прежде чем прийти сюда, я хорошо подготовился. Недавно, собирая материал для исторической повести, я нашёл заинтересовавшие меня сведения. Ты знаешь, что человек с русской фамилией Котлов на самом деле прямой потомок Эрика Геббельса?

Евлап ошеломлённо покачал головой.

– Во-от. Этот...

Штригель кивнул на застывшего чиновника.

– ... этот даже не скрывает, что он Капп. А Верховный правитель Кригер – выходец из семейки Крюгеров. И не вздумай сказать, что для тебя это новость.

Сжавшийся под полным ярости взглядом друга Евлап прошептал:

– Увы, я, действительно, этого не знал. Но Йарден наверняка был в курсе, он нередко намекал, что наше общество возглавляют недостойные...

– И вы ничего не предприняли?

– Но что мы могли сделать, они пришли к власти законно...

– В первую очередь, сообщить об этом мне; а я бы постарался принять меры в нашем прошлом. Прадеды этих людей в буквальном смысле слова подрывали экономику молодого государства, а их *выбледки* спокойно этим государством правят. Тебе не кажется, что это слишком?

Выбледок (устаревшее) – незаконнорожденный ребёнок, (бранное) – дурной человек, мерзавец, сукин сын.

Евлап выпрямился. Он принял решение.

– Я собираю Совет, – сказал он. – Депутаты неглупы, и, опираясь на них, мы уберём не оправдавших доверия и отдадим власть тебе. На твоих условиях.

Штригель кивнул.

– Я хотел просить об этом, но ты меня опередил.

Запищал видеофон, и на дисплее возникло лицо Натона. Пока Евлап приводил в чувство и выпроваживал перепуганного Каппа, Дитрих разговаривал с сыном. Когда он повернулся к чиновнику, лицо его сияло.

– Евлап, – дрожащим голосом сказал Штригель, – Йарден снова с нами.

Старик растерянно взглянул на экран, колени его подкосились, и Дитрих едва успел подхватить потерявшего сознание товарища.

Радостно возбуждённые Виктор и Ортвик не отходили от Йардена. Тот счастливо улыбался, хотя не мог не печалиться, глядя на изменившуюся с годами чету Пинкдроу. Одряхлевший, ссутулившийся Ортвик напоминал гнома, сошедшего со страниц детской книжки, и Аирин была ему под стать. Прокудиным повезло больше, если считать везением катастрофу, произошедшую с капсулой, в которой они летели на море. Обоих возродили, и сейчас они выглядели лет на двадцать пять.

Сам Йарден, несмотря на то, что из-за забывчивости Натона перешагнул возраст, в котором погиб, чувствовал себя прекрасно. Болело горло, но друг пообещал, что через месяц-другой неприятные ощущения исчезнут, и мужчина старался не обращать на них внимания.

– Представь, и я помню то, чего, казалось бы, не должен, – сказал Виктор, выслушав рассказ Йардена. – У меня побаливают лёгкие, пробитые сломанными рёбрами. И само падение тоже сохранилось в памяти.

– А у меня не осталось никаких воспоминаний о крушении, – удивлённо взглянув на мужа, произнесла Ирина. – Надеюсь, это не свидетельство того, что я бездушна.

Натон покачал головой.

– Непонятный механизм, – ответил он. – Вряд ли наличие души осложнит мою работу, но я начал задумываться, а не слишком ли это – подменять собой бога.

– Скажешь тоже, – воскликнул Ортвик. – Бог, в которого я, честно говоря, не очень-то и верю, наверняка предвидел, что люди рано или поздно научатся воспроизводить себя не только привычным способом. Для новых открытий нам и дан разум. И я считаю глупцами американских религиозных фанатиков, добившихся запрета клонирования у себя в стране.

– Тупое стадо, – осуждающе качнув головой, промолвила Аирин. – Как можно назвать их верующими, если они не доверяют господу, ставя под сомнение его дальновидность. Ведь, позволив своему творению изобрести множество способов отнимать жизнь, он наверняка одобряет тот, что даёт возможность её сохранить.

– Похоже, вы уже не раз обсуждали этот вопрос, – улыбнулся Йарден. – И я полностью с вами...

Он не договорил, потому что в переднюю ворвались Дитрих с Евлапом, и мужчина едва не задохнулся в крепких объятиях друзей.

Вскоре они сидели за накрытым столом и рассуждали о грядущих переменах.

– Я не политик, – пожимая плечами, говорил Виктор, – но, если возникнет необходимость, готов встать под твои знамёна.

– Об этом рано, – отвечал Дитрих. – Мне понадобится время, чтобы проанализировать действия моих последователей, а особенно теперешнего правительства. На это уйдёт не один месяц.

– Времени нет, – возразила присоединившаяся к беседе Генриетта, – нападения учащаются, и воевать надо уже сейчас.

Штригель задумался.

– Ты права, Грета, – наконец сказал он. – Сначала надо разобраться с пришельцами, кем бы они ни были...

Натон вдруг скрипнул зубами и, побледнев, откинулся на спинку стула.

– Опять, Тоша? – испуганно спросил Дитрих.

Йарден тоже встревожился.

– Что с ним? – испуганно спросил он.

– Сердце отказывает, – склоняясь над сыном, ответил Штригель. – За спиной у него полное переживаний детство, а в настоящем нервная работа с большой ответственностью. И меня беспокоит, что приступы стали повторяться слишком часто.

– Ничего, – пытаясь улыбнуться, выдавил мужчина, – мотор у моего сменщика будет понадёжнее, мы приняли меры.

– Слышать не хочу о твоём клоне, – сердито пробормотал Дитрих.

И, вводя лекарство, пояснил:

– Несмотря на достижения генетиков, я всё же боюсь смерти близких. Меня мучают опасения, что рано или поздно произойдёт сбой, и они не воскреснут. Я чуть не сошёл с ума от страха, увидев изломанные тела Вити и Иры, но, слава богу, всё закончилось благополучно.

– Я даже присутствовал на собственных похоронах, – засмеялся Прокудин.

– Не знаю, как у тебя хватило смелости, – промолвила Генриетта, – я бы не смогла.

– Хотел проверить себя на вшивость, – усмехнулся Виктор.

Пришедший в чувство Натон задумчиво посмотрел на друзей.

– Надо подключить психологов, – сказал он, – и выяснить всё о симбиозе мозга и души.

Дитрих хмыкнул.

– Сынок, душа суть мистическая, её нельзя исследовать.

– Я попытаюсь, – откликнулся учёный.

Он поднялся.

– Прошу прощения, но мне придётся вас покинуть. Мы с Арлисой пообещали сыну сводить его в парк развлечений.

Штригель тоже встал.

– Идём вместе. После смерти я ещё не видел своего маленького тёзку-внука. Грета, ты с нами?

– Я присоединюсь, но позже, хочу ещё немного побыть с Йарденом.

– Хорошо.

И, попрощавшись, Дитрих с сыном покинули друзей.

Кабинет Верховного правителя свободного мира тонул во мраке. Вокруг стола неподвижно и безмолвно сидели люди, казавшиеся безликими.

– Владимир Александрович, – прозвучал чей-то глухой голос, – хватит конспирироваться, включите свет.

Один из мужчин поднялся и, подойдя к стене, дотронулся до неё. Помещение осветилось. Теперь можно было видеть, что под старым покрытым *кракелюрами* портретом первого главы государства обосновался немолодой мужчина, удивительно похожий на недоброй памяти Людвиг Крюгера. Остальные, однако, внешне нисколько не напоминали заговорщиков, которым суд Штригеля вынес когда-то смертный приговор.

***Кракелюры* – трещина красочного слоя или лака в произведении живописи, чаще всего у старых картин.**

– Сколько можно говорить, что свет должен зажигаться от хлопка в ладоши? – проворчал глава. – Котлов, займитесь этим, наконец.

Некрупный седой человек хмыкнул.

– Долго ли нам осталось хлопать? – спросил он. – Не сегодня-завтра в этом кабинете засядет чужак.

Лицо председателя перекошилось.

– Собака! – произнёс он. – Говорят, что он собственноручно казнил моего предка...

– И наших тоже, – перебил Котлов. – Вы собираетесь ему это припомнить?

Его сосед – старый, горбатый мужчина фыркнул.

– Ваш пращур, Густав, тоже пытался ему что-то припомнить. Чем это закончилось, вы знаете. Не глумитесь. Лучше ответьте, есть ли у вас идеи, как не пустить Штригеля к власти?

Верховный правитель развёл руками.

– Убить...

Вскочив, Котлов кинулся к стоящей в углу урне. Его вырвало.

– Вы с ума сошли?! – заорал он голосом покойного прадеда Эрика Геббельса. – Кто из нас на это способен?

– Сейчас никто, – подтвердил потомок Крюгера. – Но, видимо, придётся научиться...

И прикрикнул на Каппа, в свою очередь расставшегося с недавно съеденным обедом:

– Норберт, с тобой-то что?

Сидевший поодаль сорокалетний крепкий мужчина спокойно произнёс:

– А разве не ясно? Репрессии Штригеля возымели своё действие, нас тошнит, когда мы думаем об убийстве. И вряд ли нам удастся себя изменить. Поэтому стоит смириться с тем, что на завтрашнем собрании Совета нас сместят.

– Похоже, вы рады этому, Менгер? – с сарказмом поинтересовался пришедший в себя Котлов.

– Рад. С вами, граждане, очень трудно работать. Элементарнейшие законы вы обдумываете месяцами. И нередко промахиваетесь. Вспомните о поправках, связанных с клонированием...

– Идиот, – прошипел Котлов, – если бы мы запретили его совсем, то Штригель давно оставил бы этот мир.

– Я никогда не голосовал за *регресс*, – холодно произнёс Менгер, вставая. – Нельзя тормозить развитие мирной науки, это не доведет до добра. Советую предоставить новому главе возможность исправить ваши ошибки, не ставя ему палок в колёса. Вы вряд ли меня поймете, но я сочту за честь его поддержать, и надеюсь, что он почтит меня своим доверием, как и моего далёкого предка. Прощайте.

Регресс – противоположность прогрессу, переход от высоких форм к более низким, понижение уровня организации, изменения к худшему.

Подойдя к двери, мужчина с полминуты постоял на пороге, словно вспоминая, всё ли сказал, и, не оглянувшись, покинул кабинет. А огорошенные члены правительства, обменявшись недоумевающими взглядами, погрузились в размышления.

Глава 3

(в которой есть анаграммы имён и фамилий)

– Дедушка, – спрашивал семилетний Дитрих Дорпкуин у своего великовозрастного тёзки, – а зачем тебе нужна власть?

Мальчик был развит не по годам, чем напоминал отца, и старался постичь как можно больше из находившегося за пределами его разумения. Штригель любил прогулки с внуком, ему нравилось наполнять знаниями этот пытливый ум.

– Мне она не нужна, Дитрих, – сказал он улыбаясь, – но во мне нуждаются люди, забывшие, что такое борьба.

– А зачем бороться, если у нас всё хорошо? – заинтересовался мальчик.

– Когда человеку не за что сражаться, он перестаёт мыслить, трудиться и, в конце концов, заплывает жиром и тупеет от безделья, – ответил Штригель. – Именно такая ситуация возникла в свободном обществе, и её надо исправить.

Ребёнок задумался.

– Но ведь ты и папа не такие? – неуверенно поинтересовался он.

– Нет, и это потому, что мы с твоим отцом пришли из мира, где царили беспринципность и беспощадность. Там человек не мог позволить себе расслабиться и не размышлять, иначе он бы погиб.

Пальцы мальчика судорожно сжали ладонь деда. Он поднял глаза, в которых застыл страх.

– Я не хотел бы там жить, – сказал он. – И, кажется, понял, что ты имел в виду. Если мы не будем напрягать мозг, а только валяться на пляже или в кровати, наш разум ослабнет. Так?

– Так, – ответил Штригель, довольный, что внук уловил самую суть сказанного.

– И мы, – продолжил ребёнок, – превратимся в животных.

– Ну, может быть, не все и не в животных, но большинство жителей Земли точно станут слабоумными. Советую тебе прочесть книгу писателя Герберта Уэллса – «Машина времени», и тогда ты сможешь представить, что грозит человечеству.

– Я обязательно почитаю, дедушка, – серьёзно ответил Дитрих, вновь стискивая руку мужчины.

– Вот вы где! – раздался весёлый голос.

К ним спешил Натон с большим мороженым. Мальчик взвизгнул от восторга и, поблагодарив, схватил лакомство. Насладившись им, он убежал играть с ровесниками, а отец и сын расположились на скамейке под деревьями.

– Дитрих очень умён, – задумчиво глядя вслед внуку, произнёс Штригель, – всё схватывает на лету.

– Вы снова говорили о политике? – улыбнулся Натон.

– И да, и нет.

– У него хорошая наследственность: ты, я, Арлиса....

Дитрих засмеялся.

– Я не в счёт, мы не кровные.

Хлопнув себя по лбу, сын улыбнулся.

– Всё время забываю об этом, – сказал он.

– А я рад, – серьёзно отозвался отец. – Значит, для тебя это не имеет значения.

– Конечно, нет. Видишь ли...

Натон не закончил, потому что из противоположного конца парка послышались страшный шум и отчаянные вопли отдыхающих. Там происходило что-то плохое, и мужчины вскочили, высматривая мальчика. Сложив ладони рупором, Штригель выкрикивал имя ребёнка, и вздохнул с облегчением, когда тот прибежал на зов.

– Натон, где твоя жена? – взволнованно спросил Дитрих.

– Играет в шахматы.

– Немедленно отведи сына к ней, и пусть они уходят через восточную аллею. А сам возвращайся. Надо выяснить, что здесь творится.

Мужчина кивнул и, подхватив мальчика, со всех ног кинулся к тихой обители шахматистов.

Мгла, словно живая, ползла изо всех углов, затапливая мрачный зал, где не было ни единого предмета мебели, кроме огромного, вырубленного в стене трона. На нём, скорчившись и опираясь подбородком о приклад необычной формы автомата, сидел человек.

Внезапно неизвестный поднялся и, отшвырнув оружие, направился к двери. Когда он проходил мимо тусклой лампы на стене, лицо его на мгновение осветилось. Выглядело оно устрашающе. Хотя черты и напоминали человеческие, но они несли на себе печать уродства и вырождения, бледную кожу покрывали чешуйки, а глаза без радужки обзревали угрюмый мир большими чёрными блюдцами зрачков. Руки его смотрелись не менее безобразно. Все в шишках, шипах и наростах они, тем не менее, обладали огромной силой: тугие шары мускулов перекачивались под кожей при каждом движении хозяина.

Скрипнули петли, и обладатель столь примечательной внешности крикнул:

– Нодж!

Не дождавшись ответа, он повысил голос:

– Нодж!

Раздались тяжёлые шаги, и перед неизвестным появился не менее «привлекательный» гигант.

– Я к вашим услугам, президент Рештлиг.

Сев на трон, последний поинтересовался:

– Ременг вернулся?

– Нет, президент. Ворота не подавали сигнала.

– Долго, очень долго. Как только он появится, немедленно пришли его ко мне.

– Да, президент.

Великан поклонился и уже собирался выйти, когда Рештлиг остановил его словами:

– Убери хвост.

Над ремнём, затянутым на бёдрах подчинённого, виднелся небольшой хвостик с кисточкой, на кончике каждого волоска которой находилась небольшая присоска, напоминающая зубастый рот. Нодж остановился.

– Президент, – жалобно произнёс он, – мне больно, когда он внутри. Но я выпускаю его, только когда вокруг никого нет.

– Больно? – тихо, но грозно спросил Рештлиг. – Больно, говоришь? Если, глядя на таких, как ты, мои подданные теряют уверенность в том, что они люди – это не больно? Или ты думаешь, что мне не больно смотреть, как деградирует выжившее в подземельях человечество?

Схватив оружие и наставив дуло на струсившего Ноджа, по штанам которого расплылось мокрое пятно, он заорал:

– Убери хвост, скотина!

Несчастный с гримасой сжал пальцами отросток, и тот мгновенно втянулся в багровую расщелину в области копчика. Вытирая слёзы, Нодж спросил:

– Я могу идти?

Разъярённый повелитель ответил не сразу, раздумывая, не пристрелить ли ему плачущего верзилу. Но, сдержав гнев, опустил автомат и кивнул.

– Иди. И не забудь передать мою просьбу Ременгу.

– Да, президент.

Нодж вышел, а Рештлиг снова ушёл в размышления.

– Десятка мощных атомных бомб и трёх столетий хватило, чтобы человек стал таким, – пробормотал он. – На поверхности жить нельзя, а здесь... Через пару веков, а может и раньше мы превратимся в мерзких склизких, безмозглых созданий, сражающихся друг с другом за глоток крови своего собрата. Я не вечен. Когда меня не станет, начнётся анархия, и человечеству придёт конец. Нет, мы должны собраться с силами и как можно скорее захватить прекрасный мир за воротами. Только там у нас есть будущее.

Президент обхватил голову руками и, скорчившись на троне, застыл в пугающей неподвижности.

Натон вернулся быстро. Двое мужчин побежали к западной аллее, откуда доносились странные, угрожающие звуки.

– Зачем тебе бинокль? – поинтересовался Штригель.

– Не станем же мы кидаться в свалку, очертя голову. Сначала надо разобраться, что происходит, – задыхаясь, ответил сын.

Заметив, как побледнело лицо спутника, Дитрих сбавил темп.

– Снова сердце? – испуганно спросил он.

– Я справлюсь. Скорее!

И оба понеслись вперёд.

А в парке творилось невообразимое. В центре детской площадки из недр земли показался поблёскивающий металлом, вращающийся нос неизвестной машины, в считанные секунды выбравшейся на поверхность. Страшным буром задело нескольких человек, а остальные, подхватив истекающих кровью раненых, кинулись врассыпную.

Но убежать им не удалось. Выползшее наружу чудовище словно взорвалось, находившиеся в эпицентре люди разлетелись на куски, а те, кто успел уйти, напоролись на невидимую преграду и сгорели, словно мотыльки под стеклом керосиновой лампы. Оставшиеся в живых «счастливчики» в панике ринулись обратно, и тут их атаковали. Из открывшегося люка выскочили монстры, бросившиеся к жертвам.

У некоторых пришельцев росли хвосты, кое-кто стучал огромными когтями босых, шишковатых ног по сохранившимся после взрыва островкам асфальта, тела иных покрывала шерсть, но все нападающие походили друг на друга страшной бледностью чешуйчатых лиц, наполовину скрытых большими чёрными очками. Хватая перепуганных людей, они заталкивали их в машину, а со стороны, не имея возможности приблизиться, за этим действием беспомощно наблюдали Дитрих и Натон.

Запахнув пленников внутрь, неизвестные задраили люк, и огромный кусок металла вгрызся в землю, мгновенно исчезнув с глаз. Превратившиеся в хлопья пепла тела осыпались с тихим шелестом, заставившим мужчин похолодеть. И тотчас их обоняние оскорбил невыносимый запах горелой плоти.

Оба стояли, не глядя друг на друга и борясь с тошнотой. Дитрих, судорожно сжимающий в руках бинокль, угрюмо спросил:

– Ты обратил внимание на вожака?

– Нет, я совсем растерялся, – признался сын.

– Ну, а я его рассмотрел. И, если не брать в расчёт когти и хвост, я уверен, что это был Оскар.

– Оскар? Какой Оскар? – ошеломлённо спросил Натон.

– Оскар Менгер, Тоша.

Мужчина потрясённо уставился на отца. А тот без сил опустился на устланную прахом траву.

Пришедший в себя мужчина открыл глаза. Он висел в вертикальном положении внутри просторного белого кокона, а его руки, ноги и голову стягивали тканевые ленты, не позволяющие двигаться и говорить. Что с ним произошло? Он в плену? Его пытали? Нет, не может быть. Но почему же так саднит грудь?

Человек громко замычал, пытаясь привлечь чьё-нибудь внимание, и это ему удалось. Кокон открылся, и в него заглянул пожилой незнакомец.

– Вы кто? – равнодушно поинтересовался мужчина, когда смог разжать челюсти. – Мне кажется, я вас где-то видел.

– А кто вы? – вопросом на вопрос ответил неизвестный.

– Дитрих Штригель – командующий армией свободного мира.

– Что вы помните?

На лице Штригеля мелькнуло раздражение.

– Вытащите меня отсюда, и я отвечу на все ваши вопросы, если они не касаются военных тайн.

Спаситель кивнул, и вскоре Дитрих уже лежал на кушетке, опутанный датчиками, а вокруг суетились люди в белом.

– Так что вы помните?

– Что умер, – всё тем же безразличным тоном ответил допрашиваемый. – Кажется, я клон Дитриха Штригеля. Второго... нет, первого...

В это мгновение память его окончательно проснулась.

– Чёрт побери!

Мужчина вскочил, обрывая провода.

– Евлап, какого шута меня возродили?! Вам мало одного Штригеля?

– Я сделал это по его просьбе на свой страх и риск.

– Зачем?

– Ваша жена очень расстроена, а Дитрих питает к ней тёплые чувства.

– Ниада? Где она?

– Вы скоро её увидите. Но сначала я должен назвать вторую причину, по которой вас воскресили. Вы знаете о нападениях на свободный мир?

Штригель кивнул.

– Ну, так вот, чтобы справиться с этой бедой, ваш двойник намерен взять власть в свои руки и предлагает вам к нему присоединиться.

Мужчина закрыл глаза, осмысливая услышанное.

– Никогда не думал, что попаду в такой переплёт, – слабо улыбнувшись, сказал он наконец. – Я так же ответственен за происходящее в мире, как и тот Штригель, и, конечно, окажу ему любую помощь, какую смогу.

Напряжённо ожидавший ответа Евлап, с облегчением вздохнул. Подойдя к двери, он позвал:

– Ниада!

Медленно ступая, в палату вошла женщина. Она остановилась на пороге и вопросительно посмотрела на Дитриха. Тот протянул руки.

– Милая, – сказал он нежно.

Отбросив сомнения, Ниада кинулась к мужу.

Глава 4

(в которой есть анаграммы)

Зал съездов волновался, как море: депутаты негромко переговаривались, обсуждая последние новости. Ждали Штригеля.

Хлопнула дверь, и головы людей повернулись к вошедшему. Но это оказался Менгер. Здороваясь со знакомыми, он пружинистым шагом прошёл между рядами и занял своё место среди членов правительства.

Миновали ещё десять минут, Дитрих не появлялся. Кригер раздражённо хлопнул ладонью по столу, включив электрический звонок, возвестивший о начале заседания.

– Если гражданин Штригель не желает присутствовать при решении такого важного вопроса, как передача полномочий, тем хуже для него, – глухо произнёс он. – Мы начинаем.

Голос Верховного правителя, усиленный встроенными микрофонами, доносился до самых укромных уголков помещения.

– Некоторые из моих коллег, – продолжил он, – настаивали, чтобы правительство пригласило на высший пост основателя нашего сообщества гражданина Дитриха Штригеля – опытного политика и военного профессионала. Я не возражал, в конце концов, мы уже немолоды и устали, кроме того, в период управления государством нам не приходилось сражаться. В этом решении меня укрепили и участвовавшие налёты неизвестных. Но...

Рука оратора потянулась к стакану с водой. Выпив глоток, он достал платок и вытер лоб. Среди напряжённого безмолвия звонко жужжала муха.

– Но, – продолжил старик, – в минувшие сутки у меня неожиданно возникли сомнения, и я подумал: а стоит ли подпускать такого человека к власти. Много веков наше общество является оплотом мира и порядка, мы искоренили насилие и войны, подарили людям радость жизни, а гражданин Штригель, несмотря на все его заслуги, убийца, руки его обгажены кровью. Сможем ли мы довериться ему или нет, решать вам. Но я бы посоветовал гражданам, представляющим здесь своих избирателей, задуматься над моими словами.

– Вы предлагаете, – прозвучал в тишине насмешливый голос, – уговорить монстров, убивающих невинных людей, этого не делать? Или собираетесь заключить с ними пакт о ненападении, вручив им в качестве *контрибуции* часть нашего мира?

***Контрибуция* – дань, выплачиваемая победителю правительством побеждённой страны.**

Менгер обвёл взглядом зал и встал. Игнорируя возмущённого Каппа, крикнувшего что-то о регламенте и нарушении порядка, он обратился к депутатам:

– Кто из вас может похвастаться, что пользовался оружием?

Люди зашевелились, и вверх робко поднялось несколько рук, две из которых тотчас же спрятались.

– Что и требовалось доказать.

Взгляд мужчины похолодел, а в голосе зазвучал металл.

– Вас здесь несколько тысяч, и десять человек, умеющих владеть хотя бы ножом – капля в море. Вы можете возразить, что у нас есть армия, и защита мирных жителей её обязанность. Это, действительно, так. Но армии, как и государству, требуется предводитель. И он должен быть достаточно жёсток, чтобы поддерживать надлежащую дисциплину. Поверьте, стоит необстрелянным солдатам узреть опасность, как они в безумном страхе кинутся наутёк. Поэтому нужно, чтобы кто-то перехватывал их и гнал на врага.

Нет, граждане, на сей раз без крови не обойтись. ТERRORИЗИРУЮЩИМ нас существам неведомы жалость и благородство. У них есть цель – захватить этот мир и либо уничтожить, либо подчинить себе. Мы станем рабами, а что такое рабство, вы знаете из курса истории. Именно поэтому я и призываю вас проголосовать за кандидатуру человека, который сумеет спасти государство от гибели.

– Вы правы, мой друг!

Слова эти донеслись откуда-то сверху, народ зашумел, а черты членов правительства исказило изумление. Обернувшись, они увидели, что с верхней галереи спускается Штригель, сопровождаемый Йарденом и Евлапом. Лица виновников переполоха были суровы.

Взойдя на трибуну, Дитрих заговорил, и внимали ему почти с благоговением.

– Мне практически нечего больше сказать, – посетовал он. – Предыдущий оратор – гражданин, ответственный за людей и государство, которым управлял много лет бок о бок со стадом баранов, по-видимому, мыслит так же, как и я. Могу только добавить, что никто из сидящих перед вами стариков, не нюхавших пороха, не справится с ситуацией.

Да, руки мои в крови, и это не вызывает у меня чувства гордости. Мне приходилось проливать её ради счастливого будущего, то же самое я буду вынужден делать и теперь. И тот, кто хочет, чтобы его мир остался таким же светлым и чистым, каким он знал его до этих страшных событий, пойдёт за мной.

Зал взорвался криками. Люди скандировали: «Штригель! Штригель!». На высший государственный пост Дитриха избрали единогласно.

Когда всё закончилось, Верховный правитель направился к выходу. Поравнявшись с озабоченным Менгером, он остановился.

– Хотите присоединиться ко мне? – мягко спросил Штригель.

Мужчина встrepенулся.

– Я только что пытался придумать, как вас об этом просить, – неловко улыбнувшись, ответил он.

Евлап похлопал его по плечу, и властелин мира с небольшим эскортом проследовал в свой бывший-нынешний кабинет.

А низложенные представители некогда реакционных семейств уныло сидели в небольшой жаркой комнате дома Котлова.

– Что с вами произошло, Густав? – выговаривал старику хозяин. – Ваши доводы звучали совершенно неубедительно, даже я не поверил ни единому слову.

– Я никогда не был оратором, Коля? – плаксиво ответил бывший властодержец. – Вот если бы вы меня поддержали...

– Мы так бы и поступили, если бы не чёртов Менгер, – перебивая Кригера, взорвался Капп. – Я приготовил речь, но не успел даже раскрыть рта. Предатель всё испортил.

– Эх, не надо бы пускать его в зал, – меланхолично произнёс молчаливый Владимир Александрович Мышко. – Но как мы могли его удержать?

Котлов развёл руками.

– Нам придётся смириться с поражением, – печально произнёс он. – Мы не можем убить, не сумеем ударить, связать, и я чувствую себя сейчас абсолютно беспомощным.

– Не-ет, граждане, – хитро улыбнувшись, возразил горбатый мужчина, – ничего ещё не кончено. У меня появилась идея, и подсказал мне её, как ни удивительно, именно Менгер.

Все взгляды устремились на горбуна.

– Идея – это уже кое-что, – устало произнёс Котлов. – Мы внимательно слушаем вас, Шефер.

Тот придвинул кресло ближе к столу, жестом предложив остальным сделать то же самое, и заговорщицким шёпотом начал делиться с ними своими мыслями.

В тёмном, сыром коридоре у больших чёрных ворот замигала красная лампочка. Изнывающий от безделья Нодж, вскочил и, торопливо засунув временно выпущенный на свободу хвост в его нору, нажал кнопку.

Лифтовые створки раздвинулись, в подземное помещение въехал большой бронетранспортёр, и на каменный пол, как горох, посыпались мутанты, таща за собой упирающихся людей. Гигант смотрел на них, вытаращив глаза.

– Это кто? – ошарашено спросил он.

– Еда, – отрывисто ответил один из прибывших. – Господин Ременг решил, что если уж мы можем питаться таким отребьем, как *фрики*, то это нам тем более подойдет. Попробуй.

Фрик (англ.freak) – уродец, урод. Здесь – человекоподобные безмозглые существа, употребляемые в пищу.

И он подтолкнул к разинувшему рот охраннику вырывающуюся девушку. Тот устался на неё во все зрачки, а потом жалобно произнёс:

– Президент лично запретил мне доставать кровососущий хвост при свидетелях, а желудок мой крови не принимает.

Обнюхав незнакомку, он спросил:

– Если я не могу использовать её по назначению, то, возможно, она сгодится, как женщина?

– Делай с ней, что хочешь, – махнув рукой, ответил собеседник и двинулся прочь, волоча за собой нескольких связанных пленников.

Горящий вождением Нодж схватил девушку за руку, но вдруг, что-то вспомнив, окликнул удаляющегося мутанта:

– Одланд...

Тот остановился.

– Президент велел господину Ременгу по возвращении сразу же явиться к нему.

Одланд кивнул.

– Я передам.

И исчез за спинами товарищей. Нодж постоял немного, глядя ему вслед, и увлёк в темноту забывшую о сопротивлении, охваченную страхом жертву.

Услышав шум, Рештлиг вскочил и взял оружие наизготовку. Дверь отворилась, и на пороге возник тот, кого президент так долго ждал. Успокоившись, он снова опустился на трон, а гость остановился напротив.

– Оракс, – спросил хозяин, – почему вы так долго отсутствовали?

– Мне пришла в голову мысль, – отвечал тот, – что стоит попробовать, каковы на вкус жители того мира, в который мы собираемся переселиться. Их поимка потребовала времени.

Он хлопнул в ладоши, дверь снова открылась, и в пещеру втокнули молодого человека, не выказавшего ни малейшего страха.

– Угощайся, Тихидр, – снимая очки, улыбнулся Ременг.

Рештлиг встал и, подойдя к юноше, принялся. Он облизнулся, но тотчас губы его скривились от отвращения.

– Ты сошёл с ума, Оракс? Чтобы полностью деградировать, нам осталось только стать каннибалами. Это же человек – такой, какими до злосчастных взрывов были и мы.

– Мы – не они, – возразил собеседник. – Да и слишком поздно, ребята наверняка уже распределили добычу между собой.

– Что?! – взревел президент. – По какому праву ты принимаешь подобные решения единолично? Напасть, убить, чтобы посеять панику – это одно, людоедство же совсем иное дело. Немедленно отобрать пленных, а тех, кто попробовал их крови или мяса, уничтожить, иначе они никогда не остановятся...

– Тихидр...

Голос Ременга взлетел.

– Ты прекрасно знаешь, что мы уже не люди. Так зачем же стараешься удержать нас в рамках человеческой нравственности? Ты договоришься до того, что есть фриков аморально, раз внешне они напоминают нас....

Рештлиг навёл оружие на Ременга.

– Человек тот, кто себя таковым считает и соответственно себя ведёт. Если ты немедленно не выполнишь приказ, я убью тебя, – тихо, но с угрозой произнёс президент. – Я не желаю, чтобы наши собратья стали похожими на отторгнутых богом чудовищ Лавкрафта...

– Ты снова о боге? Посмотри, что он с нами сделал и...

– Он послал нам испытание, и мы должны его выдержать, не превратившись в монстров. Неужели это понимаю только я? Если это так, то нам конец!

– Ты прав, – после долгого размышления откликнулся Ременг. – Я виноват, я совершил ужасную ошибку и готов её исправить. Но, прошу, не надо губить своих.

– Тогда придумай им другое наказание. Если сможешь, – холодно сказал Рештлиг.

Проводив соратника взглядом, президент, кивнув юноше, стоящему с высоко поднятой головой, указал ему на место у подножия трона.

Дитрих сидел в кабинете под собственным состарившимся портретом, глядя на экран компьютера. Когда он поднял глаза на застывших в напряжённом молчании людей, в них светился ужас.

– Двенадцать миллиардов жителей, – произнёс он, – Двенадцать! Вдумайтесь в эту цифру. Свободный мир перенаселён. Кажется, клонирование стало не благодеянием, а бедой для человечества.

– В некоторых округах, – откликнулся Менгер, – управляющие ограничили рождаемость или вовсе запретили людям иметь детей. А кое-кто самовольно наложил вето на закон о воскрешении умерших. И, признаюсь, я смотрел на это сквозь пальцы.

– Но почему правительство не направило космические экспедиции на поиски годных для жизни миров? – удивился Йарден. – В случае успеха проблема решилась бы сама собой.

– Эти бараны, как справедливо назвал их Дитрих, не видели ничего дальше собственного носа, – резко сказал Евлап. – И нам, действительно, очень долго придётся разгрести то, что они натворили.

– Вы, как я думаю, неплохо осведомлены о недочётах в работе кабинета, – обратился Штригель к Менгеру. – Поделитесь с нами информацией. И, кстати, позвольте узнать ваше имя.

Собеседник, оторвавшись от созерцания стилуса, который крутил в пальцах, поднял голову и ответил:

– Меня зовут Дитрих Менгер.

Штригель вздрогнул и внимательно посмотрел на соседа.

– Оскар Менгер – ваш предок?

– Да, – отозвался собеседник, – и его чтит вся наша семья. Согласно завещанию прапрадеда мальчишки, рождавшиеся в ней, носили имя его друга – ваше имя, гражданин Штригель.

Дитрих, Евлап и Йарден переглянулись.

– Вы прямой потомок Оскара? – поинтересовался последний.

– Да.

Дитрих изумился:

– Но как же так? Ведь Генр... то есть его жена не могла иметь детей.

– Ты забываешь, Дитрих, – объяснил Йарден, – что Каролина – производное от Генриетты. Если болезнь не врождённая, клон, обычно, от неё не страдает.

Менгер кивнул.

– Я знаю эту историю, – сказал он. – Она изустно передавалась от отца к сыну, как чудесная легенда. Каролина родила Оскару троих мальчиков. Последний появился на свет в две тысячи тридцать шестом, за год до смерти отца. И я его праправнук.

– Он зачал ребёнка в шестьдесят пять? – изумился Евлап. – Я понимаю, что сейчас это стало нормой, но тогда....

– Оскар всегда и во всём был силен, – улыбнулся Штригель. – Но мы отвлеклись. Думаю, что, пока на Земле ведутся военные действия, астронавты должны делать свою работу. Надо организовать несколько звёздных экспедиций. Кто этим займётся?

– Я, – отозвался Йарден. – Мне приходилось участвовать в космических проектах.

– Тогда, пожалуйста, приступай немедленно. На поиски могут уйти десятилетия, если не века.

Чиновник извлёк из компьютера носители и вышел.

– Теперь о главном... Дитрих, вы можете показать, где пришельцы чаще всего наносят удары?

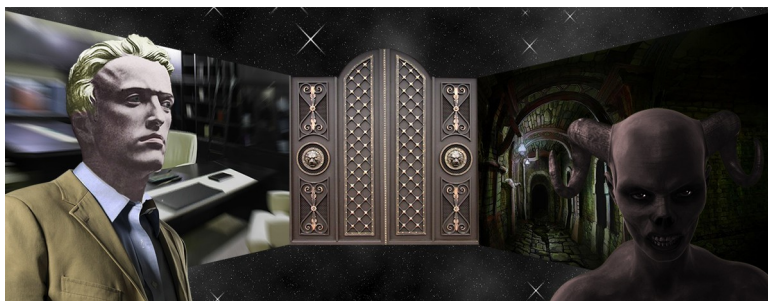
Менгер замялся.

– Это вне моей компетенции, – признался он. – Я контролировал округа и...

– Я покажу, – прозвучал очень знакомый голос.

Перед опешившими членами правительства возник второй Штригель, одетый в мундир армии свободного мира. Поднявшись из-за компьютера, Дитрих шагнул к двойнику. Оба клона с минуту пристально смотрели друг другу в глаза, а потом сомкнули ладони в крепком рукопожатии.

Глава 5

Опустив головы, в тронный зал один за другим входили трепещущие налётчики. Следуя примеру Ременга, они спрятали хвосты и скрыли когти под длинной одеждой, и сейчас недавно свирепствовавшая в парке орда выглядела похожей на людей больше, чем когда-либо.

Рештлиг с непроницаемым лицом наблюдал, как подданные выстраиваются в ровную шеренгу, готовясь принять любое наказание, которое он им назначит. Но дрогнул, когда конвоиры ввели в помещение пленников. У кого-то не хватало ноги, кто-то смотрел на мир чёрными провалами глазниц, некоторые лишились рук, и только немногие смогли самостоятельно войти внутрь.

– Это все? – прозвучал вопрос.

Ременг покачал головой.

– Нет. Остальные мертвы. Съедены.

– Господи, прости их, – прошептал Рештлиг, – ибо они не ведают, что творят.

Он уже собирался заговорить, когда в дверях показался Нодж, неся на руках хрупкую девушку. Прижимая её к себе, он пристроился на правом фланге. Президент сделал шаг вперёд.

– Она умерла? – спросил он.

– Она спит, – тихо ответил Нодж. – Я хотел воспользоваться ею, как женщиной, но не смог, малышка очень расстраивалась. Как можно обидеть такое милое существо?

Гигант нежно поцеловал несостоявшуюся жертву в макушку. Вдоль строя прокатилась волна смеха, кто-то назвал Ноджа дураком, но от яростного рычания Рештлига шум мгновенно стих.

– Он не дурак, – повысив голос, произнёс президент. – Нодж единственный, кто сумел в этой ситуации остаться человеком. Люди не едят себе подобных, это недопустимо. Как и насилие над женщиной. Вы нарушили божеские законы, и вас ждёт наказание. Кто отведал плоти пленных?

Поколебавшись, вперёд шагнули все, кроме Ноджа и ещё двоих-троих мутантов. Огромного роста гвардейцы, стоявшие за спиной Рештлига, двинулись к ним, поднимая оружие, но их остановили слова Ременга:

– Тихидр, – сказал он громко, – нас очень мало. Если ты убьёшь этих людей, то не станет ли это началом конца? Сохрани их жизни, накажи лучше меня.

Солдаты в ужасе и смятении уставились на вожака, а тот направился к противоположной стене и, прислонившись к ней, бестрепетно ждал смерти. Гвардейцы повернулись к нему...

– Нет, – крикнул Рештлиг.

И повторил вместе с негромким эхом:

– Нет. Ременг слишком много сделал для нашего сообщества, чтобы мы могли позволить себе его убить. Ты не умрёшь, Оракс, но отправишься в изгнание. Возьми всё

необходимое и уходи. Жизнь на поверхности трудна и опасна, и я желаю тебе стойкости.

Повернувшись к провинившимся, он добавил:

– Впредь так будет с каждым, преступившим закон, и запомните...

Прервал его ноющий звук, это плакал Нодж.

– Президент, – прерывающимся голосом с мольбой сказал великан, – изгнание хуже смерти. Зачем вы так поступаете с господином Ременгом? Он ошибся, но разве человек не имеет права ошибаться? Разве вы никогда не совершали ошибок? Главное, чтобы это не повторилось.

Рештлиг задумался, взвешивая все «за» и «против». Наступило тягостное молчание, длившееся несколько минут. Наконец, президент поднял голову.

– Ты прав, Нодж, – мягко сказал он, – пусть Оракс остаётся, но...

Голос его вновь зазвучал угрожающе.

– Но для остальных это лишь отсрочка. Малейшая провинность, и вы окажетесь не за воротами в лучший мир, а на инфицированной, зашлакованной планете. И вот ещё что: когти остричь и надеть обувь, хвосты убрать, шерсть сбрить. Вы люди, а не стая зверья, помните об этом. А сейчас заберите раненых и окажите им любую возможную помощь. И не смейте смотреть на них, как на пищу. Если я узнаю, что кто-либо из вас ослушался, убью на месте. Вон!

Когда зал опустел, Рештлиг повернулся к Ременгу.

– Ты напугал меня Оракс, – сказал он, – ведь мне, действительно, пришлось бы изгнать тебя, если бы не вступился Нодж.

– Я обязан ему, – ответил мужчина. – Не знал, что он такой мягкосердечный.

– И я, – отозвался президент. – Но оба его сегодняшних поступка дают мне надежду, что не всё потеряно, и в душах мутантов ещё тлеет искра человечности.

Повернувшись к оставшимся пленникам, он поманил тех к себе. Рештлиг хотел обратиться к ним с вопросами, но сообразил, что они не поймут друг друга.

– Оракс, – обратился он к соратнику, – пригласи сюда Ливила Решефа.

– Зачем? – удивился тот.

– Недавно я узнал, что он умеет читать и передавать мысли. Пусть поработает переводчиком.

Лицо Ременга выразило живейшее изумление, он хотел что-то сказать, но передумал и направился к двери.

– И вот что, друг мой, – остановил его Тихидр, – потом сделай то же, что и остальные: состриги когти и избавься от хвоста.

Оракс хмыкнул, но возражать не стал, и, проводив Решефа к президенту, отправился выполнять распоряжение.

Дитрих-клон шагнул к компьютеру. Уверенно манипулируя сенсором, что удивило его двойника, который, в отличие от жены, знающей все тонкости работы с цифровым оборудованием, никогда не был на «ты» с умной машиной, командующий вывел на дисплей карту свободного мира.

– Нападения произошли здесь, причём не единожды, – сообщил он.

Штригель показал на точку близ Уральских гор.

– Нда-а, – протянул Менгер, наблюдавший за действиями тёзки, – досталось, как всегда, России.

– Это сначала. Но потом, – продолжил военный, – атаки стали странно беспорядочными. Жители Германии, Италии, Франции, Китая в один голос утверждают, что на их территориях из земли выбирались невиданные машины с буром на носу. И люди, оказавшиеся рядом, погибали, в первую очередь, от воздействия невидимых волн, заставляющих плавиться живую плоть.

Евлап с Верховным правителем переглянулись, и последний сказал:

– Всё так, я сам недавно стал свидетелем подобного происшествия. Два дня назад в Тверском округе мы с сыном наблюдали то же самое. И мне показалось странным...

Он замолчал.

– Нет, об этом после, – после паузы произнёс Дитрих. – А сейчас нужно, чтобы кто-нибудь отправился в Институт физических исследований и побеседовал со специалистами. Нам надо знать, что это за волны и что мы можем им противопоставить.

– Я поеду, – заявил Менгер. – По образованию я физик и скорее, чем кто-либо другой, пойму, в чём дело.

– Отлично! Отправляйтесь, Дитрих.

Когда тот вышел, Штригель-клон вдруг рассмеялся. Отвечая на удивлённый взгляд двойника, он пояснил:

– Называя друг друга Дитрихами, мы скоро запутаемся. Если ты не возражаешь, я, пожалуй, возьму имя нашего деда.

– Фридриха? Что ж, я не против. Но почему ты, а не я?

– Это справедливо. Ты родился раньше меня, и тебе я обязан появлением на свет.